

УДК 34.096

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100330>

Реформы и реформаторы. К вопросу о причинах, особенностях и итогах государственно-правовой трансформации Пруссии в начале XIX в.

В.Г. Баев

Юридический институт Тамбовского государственного технического университета, г. Тамбов, Россия

Аннотация. Цель настоящего исследования — подвергнуть анализу и дать историко-правовую оценку административным, экономическим и социальным преобразованиям в Пруссии первой половины XIX в., изучить обстоятельства и условия формирования новой политико-правовой и экономической реальности страны, роль конкретных личностей, делавших историю этого времени, составить представление о том, по каким административно-правовым и экономическим лекалам они перекраивали систему управления. Автор акцентирует внимание не столько на характере самих преобразований, сколько на личностях, руками которых история (объективный ряд событий) производила перемены в прусской Германии. Реформаторы-исследователи (прежде всего, Штейн, Гарденберг, В. Гумбольдт) реализовывали собственный частный интерес, но совокупность личных интересов представляла уже интерес публичный. А сами они выступали его субъектами. Успех реформации определялся и господствующей в стране атмосферой, которую наполняли своими идеями и делами великие философы, историки и писатели. Автор делает вывод, что наука в Германии была больше, чем наука. Она деятельно участвовала в процессе трансформации в стране.

Автор доказывает, что прусская реформация, несмотря на разные представления участников о ее целях, объективно способствовала созданию основ буржуазного государства на базе монархической формы правления. Созданная прусская государственность во второй половине 19 в. перешла в руки Отто фон Бисмарка как наследство реформационного этапа. Не Бисмарк проложил дорогу Гитлеру. Он получил от реформаторов почти построенное по их схемам государственное здание, перестраивать которое даже «железному» канцлеру было не под силу. К тому же приходится учитывать, что модернизация Пруссии развивалась в противостоянии с контрреформацией, ее юридическим выражением стали так называемые Карлсбадские постановления, работавшие на торможение динамики реформ.

Ключевые слова: модернизация; реформы; Пруссия; администрация; Штейн; Гарденберг; В. Гумбольдт; Фридрих-Вильгельм III; А. Коцебу; Вартбургское празднество; Таможенный союз; образование; Берлинский университет; студенческие организации; объединение Германии.

Как цитировать:

Баев В.Г. Реформы и реформаторы. К вопросу о причинах, особенностях и итогах государственно-правовой трансформации Пруссии в начале XIX в. // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 1. С. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100330>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100330>

Reforms and Reformers on the Question of the Causes, Features and Results of the State-Legal Transformation of Prussia at the Beginning of the 19th Century

V.G. Baev

Law Institute of Tambov State, Technical University, Tambov, Russia

ABSTRACT: This study aims to analyze and provide a historical and legal assessment of administrative, economic, and social transformations in Prussia in the first half of the 19th century to study the circumstances and conditions of the formation of a new political, legal, and economic reality of the country. Moreover, the role of specific personalities who made a mark in history during this period is explored to obtain an idea of what administrative, legal, and economic patterns they reshaped in the management system. The author focuses not on the transformations but on the personalities whose hands have produced those transformations (an objective series of events) in Prussian Germany. Reformers-researchers (first, Stein, Gardenberg, V. Humboldt) realized their own private interest, but the totality of personal interests was already of public interest, and they themselves acted as its subjects. The success of the reformation was also determined by the prevailing atmosphere in the country, which was filled with great philosophers, historians, and writers with their ideas and deeds. The author concludes that science in Germany was more than science. She actively participated in the process of transformation in the country.

The author proves that the Prussian reformation, despite the different ideas of the participants about its goals, objectively contributed to the creation of the foundations of the bourgeois state on the basis of the monarchical form of government. As a legacy of the reformation stage, the Prussian statehood created in the second half of the 19th century was passed into the hands of Otto von Bismarck. Thus, it was not Bismarck who paved the way for Hitler. The reformers handed him a state building — almost built according to their schemes — which even the “iron” chancellor could not rebuild. In addition, we must consider that the modernization of Prussia developed in opposition to the counter-reformation, its legal expression was the so-called Carlsbad resolutions, which decelerated the dynamics of reforms.

Keywords: modernization; reforms; Prussia; administration; Stein; Gardenberg; V. Humboldt; King Frederick William III; Customs Union; student organizations; unification of Germany.

To cite this article:

Baev VG. Reforms and Reformers on the question of the causes, features and results of the state-legal transformation of Prussia at the beginning of the 19th century. *Russian journal of legal studies*. 2022;9(1):33–42. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100330>

Поток времени идет своим путем, как он и должен, и если я опускаю в него руку, то делаю это из чувства долга, но вовсе не затем, чтобы изменить его направление [1, с. 249].

Отто фон Бисмарк

Введение в проблему. Великие личности рождаются в беспокойные времена. В нашей публикации о становлении личности Отто фон Бисмарка и факторах, влияющих на этот процесс, мы выделили ряд ключевых моментов биографии, определивших линию его политической жизни [2, с. 166–177]. XIX в. — осязательное для Германии время: она стояла перед решением задачи цивилизационного масштаба — строительством общегерманского централизованного государства. И для ее реализации уже «носила в себе» будущего лидера. Примечательно, что и сама страна подготавливалась к новому статусу, растянув на полвека период подготовки. В фокусе того времени можно рассмотреть сближение объекта — раздробленной Германии и ее будущего объединителя — творца германской истории Бисмарка, которые «искали» друг друга.

Находясь в отставке, Бисмарк признавал, что историю вообще невозможно делать. Но у нее можно учиться тому, каким образом политическая жизнь большого народа должна соответствовать его развитию и историческому предназначению [3, с. 15]. Но если личности не делают историю, то кто управляет историческим процессом? Особенно в периоды, когда великих личностей на политическом горизонте не видно. Нам исключительно важно представлять, кто управлял историей до того, как Бисмарк примерил на себя мундир министр-президента, а затем и рейхсканцлера.

Обобщая собственный опыт государственной службы, Бисмарк особо подчеркивал, что события происходят сами собою, а мы можем только обеспечивать себе то, что подготавливается ими. Но необходимо учитывать, что каждый акт «обеспечения» тоже являет собою историческое событие: чем же отличаются такие события от тех, которые делаются сами собою? Скорее всего, почти каждое историческое событие является одновременно и «обеспечением» кому-нибудь уже созревших плодов предшествовавшего развития, и одним из звеньев той цепи событий, которая подготавливает плоды будущего. Хотелось бы знать, от чего зависит их далеко не всемогущая сила, при каких обстоятельствах она растет и при каких уменьшается. На эти вопросы Бисмарк не дает ответа.

Цель нашего исследования заключается в анализе и оценке организационно-правовых, экономических, социальных преобразований в Пруссии в первой половине XIX в., до появления Бисмарка на политической арене. Одновременно ставится **задача** изучить обстоятельства, условия и причины формирования нового политико-правового и экономического ландшафта Пруссии, роль конкретных личностей, руководивших историей этого времени, составить представление о том, по каким административно-правовым и экономическим лекалам

они перекраивали страну.

Для начала обратимся к работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которой классик касается следующего: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история» [4, с. 306]. И этот «общий итог» представляется некой «социальной силой». В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс раскрывает содержание понятия социальной силы: «...мы уже неоднократно видели, что в современном буржуазном обществе над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведенные средства производства» [5, с. 329]. То есть люди делают историю при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди этих условий экономические являются, в конечном счете, решающими. Но и политические, и тому подобные условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. «Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [6, с. 396].

Прусская администрация и причины законодательного переустройства системы управления Пруссии. Битва при Ватерлоо (1815 г.) привела к окончательному поражению наполеоновской армии. Однополярный французский мир рухнул. Германские князья и свободные города вновь обрели суверенитет и объединились в Германский союз с целью обеспечения внешней и внутренней безопасности, независимости и неприкосновенности каждого германского государства. Союзный акт, принятый странами-участниками 8 июня 1815 г., превратился в Конституцию Германского союза. Императивное звучание в нем приобрела статья 13, предусматривавшая обязательное введение в каждом государстве сословной конституции¹. Таким образом, открывалась перспектива построения на германских землях конституционных монархий. Прусский король Фридрих-Вильгельм III выразил одобрение «конституционной» статье, как и требованию о свободе печати, ясно понимая необходимость обновления всей системы управления. Однако позже, под давлением австрийского канцлера Меттерниха, отказался от своих обязательств.

Фактически реновация прусского королевства началась в период оккупации страны по настоянию самого Наполеона. Французский император строил планы адаптации Германии к буржуазным потребностям своей страны. Прусскому руководству трудно было найти более сильные

¹ Deutsche Bundesakte (08.06.1815), in: documentArchiv.de [Hrsg.]. URL: <http://www.documentArchiv.de/nzjh/dtba.html>, Stand: aktuelles Datum. (дата обращения: 26.02.2022).

мотивы для преобразований, чем сокрушительное поражение и связанное с этим национальное унижение, нанесенное их стране Наполеоном в 1806 г. Тильзитский договор 1807 г. урезал территорию Пруссии до четырех провинций — Бранденбург, Померания, Силезия, Западная и Восточная Пруссия². Только на них распространялось действие законов прусских реформ, которые вводились в 1807 г. октябрьскими эдиктами короля. Показательно, что и в 1814–1815 гг. зона действия королевских законов не касалась вновь обретенных территорий. Получилось так, что новые предписания фактически разрушили правовое единство Пруссии, поскольку она получила земли с чужим правом. Особенно это относилось к территориям, два десятка лет находившимся под французской оккупацией. То есть прусская реформа поставила монархию перед проблемой интеграции, которую она до сих пор не знала [7, с. 150].

Пруссия оказалась на грани исчезновения. Обновление страны виделось ее единственным спасением. Именно поэтому, еще до подписания Венских заключительных актов о территориальном переустройстве прусского государства, в конце апреля 1815 г. вышло королевское «Распоряжение о совершенствовании системы провинциального управления», введившее трехуровневую структуру управления провинциями и ставшее первым шагом на многотрудном пути обновления государства [8, с. 85].

Прусские реформы получили достаточную историографию, прежде всего в историческом аспекте. Интернетный эфир заполнен материалами, имеющими в большей степени информативный характер. Та же характеристика может быть отнесена к немецкоязычным текстам, ориентированным на реализацию учебного процесса в немецких вузах. Тем не менее показанные в библиографическом списке источники и литература позволили автору решить поставленную задачу. Историческая и публицистическая бисмаркиада возлагает на Бисмарка главную ответственность за то, что его второй рейх стал предтечей гитлеровского рейха. Смысл нашего исследования в другом: Бисмарк, придя к власти, принял страну не в невинном образе, ее каркас уже был сформирован прусскими реформаторами, они проложили колею, из которой Бисмарк уже не смог выпрыгнуть.

Воспринимая прусскую трансформацию как объективный ряд вещей, нам невозможно обойти вниманием тему личностей, которые оказались вовлеченными в процесс преобразования системы управления: Фридрих Карл фон унд цум Штейн (1757–1831), известный как барон фон Штейн, и Карл Август фон Гарденберг (1750–1822). Несомненно, их деятельностью руководила объективная потребность перестройки прусского государства. Не удивительно также, что люди, взявшиеся за преобразование государства, в основу реформ

положили опыт революционной Франции. Являясь непосредственными свидетелями этой эпохи, они не знали другого яркого примера. Представители «чистой теории права», вероятно, откажут реформаторам в юридическом характере их деятельности. Мы же полагаем, что, переделывая административную систему Пруссии, прусские министры, почти все юристы по образованию, фактически выступали субъектами законодательной инициативы, закрепляя эдиктами короля произведенные изменения в управлении.

Примечательно также, что оба названных реформатора именуется в литературе прусскими государственными деятелями, хотя они выходцы из культурных западных земель. Оба получили юридическое образование в Гёттингенском университете, ориентированном на британскую культуру и дававшим знания в области истории Англии на том же уровне, какой поддерживался в самих британских университетах. В частности, Штейн отмечал в своей автобиографии, что в Гёттингене помимо юриспруденции изучал английскую историю, статистику, политэкономия, политику [9]. Деятельность Штейна в значительной мере находилась под влиянием его лютеранского мировоззрения. Смысл деятельности человеческой личности означал для него развитие способности к выполнению долга. Поэтому свою государственную службу Штейн рассматривал не просто как возможность успешной карьеры, но, скорее, как возложенную на него Богом обязанность.

Как и Штейн, Гарденберг сформировал свое мировоззрение во времена Французской революции. Он мечтал о создании государства, открывавшего возможности для карьеры талантливых людей, равномерно распределявшего налоговое бремя, обеспечивавшего безопасность собственности и защиту прав личности. В политическом плане стремился к достижению оптимального сочетания свободы с религиозностью и гражданским порядком. Причем все эти изменения должны быть достигнуты путем преобразований сверху. Поэтому реформаторы ориентировались и на британские идеи и институты, стремясь обеспечить своей стране постепенный переход к новому обществу, мобилизовать моральный дух масс для возрождения нации.

Таким образом, административным преобразованием Пруссии занимались «не пруссаки», располагавшиеся к тому же в нижнем ряду дворянского сословия Германии. Они могли бы сделать хорошую карьеру в своих землях, но обратились к прусской государственной службе. В этом имелся определенный резон: только Пруссия могла стать опорой германского государства, способной противостоять французскому агрессору. Кроме того, Пруссия выделялась уже разработанным и эффективным государственным аппаратом управления, доставшимся в наследство от Фридриха Великого. Что, безусловно, усиливало интерес реформаторов-исследователей к его обновлению. Штейн заявлял: «У меня только одно отечество и я принадлежу только ему, а не какой-либо его части. Династии для меня безразличны, они лишь инструмент.

² Feichter Hubert. Preussische Reformen am Beginn des 19. Jahrhunderts. Fall, Wiederaufstieg und moderne Tendenzen. Innsbruck: Leopold-Franzens-Universität, 2007. URL: <https://www.grin.com/document/146086> (дата обращения: 26.02.2022).

Мое желание — сделать Германию сильной и независимой» [10, с. 29]. Можно предположить, что оба упомянутых лица реализовывали свой частный интерес с намерением быть вписанными в анналы прусской и германской истории. Но общий интерес есть не что иное, как совокупность частных [11, с. 166]. Поэтому реформаторы являлись и субъектами публичного интереса, который можно представить как явление психической, мыслительной деятельности личности, общества и государства [12, с. 27]. Мысль о постепенном создании института участия граждан в решении политических задач на всех уровнях управления была центральной в программе реформ Штейна.

Эти люди не были своими корнями привязаны именно к Пруссии и к данной династии, их мышление нельзя считать специфически прусским и династическим. Как и почему нерешительный король Фридрих Вильгельм III согласился назначить их главными министрами по переустройству страны, требует отдельного пояснения. Во-первых, Фридрих Вильгельм — человек одного со Штейном и Гарденбергом поколения, «дитя одной эпохи», для которой привычка к пышности отсутствовала. Во-вторых, после войны прусская казна опустела, промышленность и торговля находились в упадке, в финансовом ведомстве царил анархия, армия страдала от плохого содержания. В целях смягчения ситуации король приостановил действие указа о вероисповедании, смягчил цензуру, объявил амнистию и ввел некоторую экономию во внутреннем управлении. Королю пришлось давать двору примеры точности и порядка. Кстати, он был первым прусским монархом, который представил подданным отчет о своей деятельности.

Оба реформатора оказывали на короля воздействие, склоняя его к постепенным изменениям политического и хозяйственного строя. Мировоззрение короля существенно отличалось от реформаторского. Сохраняя свое национальное государство, он не мог не думать о традиционных династических ценностях. И только задача политического выживания заставляла его принимать реформы, сущность которых он понимал значительно уже, нежели реформаторы. Самое главное для него — сохранение династии, тогда как для реформаторов это считалось частной задачей.

И все же между королем и реформаторами проходила важная линия взаимопонимания. Король, как и его главные министры, признавал недостатки традиционной прусской администрации, хотя и пытался отклонять дополнительные реформы. Трудно не заметить, что в политике прусских королей и Фридриха Вильгельма III в частности просматривается принцип управления, заложенный еще Великим курфюрстом: интерес власти необходимо подчинять интересам государственным. По-видимому, именно в этом выражался своеобразный патриотизм прусских королей, позиционировавших себя первыми слугами государства. Но очевидна и его однобокая направленность на армию. Экономика и образование рассматривались

как важные, но все же вспомогательные институты.

Прусские реформы берут начало с королевского эдикта 9 октября 1807 г., подготовленного Штейном и представлявшего собой первый шаг в области аграрных преобразований. В соответствии с этим документом в стране уничтожались крепостная зависимость (для одной части крестьян сразу, для другой — с 1810 г.) и сословное деление. Вводился свободный рыночный оборот земель³.

Мы не входим в детали реформирования страны. Задача исследования — оценить не просчеты и ошибки реформаторов, а прорывной, прогрессивный характер их деятельности. Бисмарк в политике еще не было, но страна изменялась в административно-правовом, экономическом и военном отношении. При этом подчеркнем, что ее внутренняя подготовка к будущей трансформации в единое германское целое определялась ранее заложенной реформаторами тенденцией («эффект колеи»).

После крушения французской империи Пруссия вместе с Россией и Австрией создала Священный союз, целью которого стало подавление освободительных движений в Европе. Соответственно, Фридрих Вильгельм III больше не видел смысла в реформах — короли обещают свободу и конституцию только тогда, когда нуждаются в поддержке нации. После смерти Гарденберга в 1822 г. реформаторская эпоха завершилась. Это, однако, не означало, что административно-правовая революция в управлении застыла. Франц Меринг, правда, саркастически заметил, что в Пруссии «понадобилось два поколения, чтобы в бесконечно жалкой мере достигнуть того, что Французская революция провела в одну ночь»⁴. Однако, если во Франции в период Революции, террора и войн погибли миллионы, прусским реформам жертвы не потребовались. Конечно, на раздел земли ушло больше времени, чем во Франции. А завершение раздела в пользу юнкеров привело к созданию крупных, эффективно работающих хозяйств и оттоку безземельного крестьянства в промышленные города. Аграрная реформа во Франции создала вялый рынок и, тем самым, способствовала увеличению экспорта капитала за рубеж. Реформа в Пруссии сформировала базу для бурного развития капитализма. Кроме того, реформы Штейна и Гарденберга не только породили, но и усилили тенденцию ожидания в Пруссии перемен сверху, и потому десятилетия спустя Отто фон Бисмарк смог заявить, не встретив возражения, что революции в Пруссии совершают только короли⁵.

³ Эдикт касательно облегченного владения и свободного употребления земельной собственности, а также личных отношений сельских жителей. URL: http://history-5.narod.ru/Oktober_edikt_1807.html (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Травин Дмитрий, Маргания Отар. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб.: Норма, 2016. URL: <https://www.rulit.me/books/modernizaciya-ot-elizavety-tyudor-do-egora-gajdara-read-338809-27.html> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Прусские реформы 1807/14 гг. — революция сверху (продолжение). URL: <https://tortillala.livejournal.com/10943.html> (дата обращения: 26.02.2022).

Организационно-правовое оформление Германского таможенного союза. Глубина и размах прусско-германских преобразований, затронувших практически все сферы социально-экономической жизни Пруссии, достойны удивления. Формирование под эгидой Таможенного союза единого национального рынка — важная предпосылка будущего объединения Германии, хотя на этом этапе мало кто из политиков ставил перед собой такую задачу. Но где искать истоки создания таможенной организации? В обширной литературе, посвященной формированию Германского таможенного союза [13], практически не встретить упоминаний о людях, выступавших инициаторами соответствующего закона. Тогда кто и как двигал историю таможенного союза?

Ответ на вопрос нужно искать в политической атмосфере, в той социальной реальности, внутри которой вызревала проекция новой Германии. После 1815 г. вся нация восторженно приветствовала обретенную независимость страны. Либеральные идеи активно проникали в сознание широких масс. В университетах Гёттингена и Кёнигсберга читались курсы, основанные на теории Адама Смита и предлагавшие ее интерпретацию применительно к условиям Германии. На этой почве выросла плеяда будущих сотрудников реформаторских министерств, так называемые прусские младореформаторы.

Наиболее известные из них работали над созданием орнамента социальной и политико-правовой обстановки. Наверное, первым можно назвать юриста и экономиста либеральной школы, воспитанника И. Канта, друга И.Г. Фихте, Теодора фон Шёна. С 1816 г. он губернатор Западной Пруссии, а восемь лет спустя руководил всей провинцией Пруссии. Он считался одним из ближайших сподвижников Карла фон Штейна при разработке нового экономического законодательства. Благодаря его усилиям, после вступления в 1840 г. на трон нового короля Фридриха Вильгельма IV в 1850 г. была принята конституция.

Еще одним провозвестником национального возрождения и объединения Германии стал историк, поэт, общественный и политический деятель Эрнст Мориц Арндт. Книгой «Германия и Европа» он сделал себе славу патриота, активно сотрудничал с бароном фон Штейном. После разгрома Наполеона в России профессорствовал в университете Бонна. В листовке 1814 г. «О будущих земельных конституциях в Германии» провозглашал: «Право на конституции предоставляет нам не только история, но душа народа, и Бог, сделавший нас христианами и подаривший нам способность мыслить, а также право свободного человека участвовать в управлении» [10, с. 29].

Убежденными сторонниками Пруссии как флагмана германского единства демонстрировали себя и в науке, и в политике философы Г. Гегель, Ф. Шлейермахер, историк Л. фон Ранке и многие другие представители германского возрождения. Громко звучали выступления поэта, писателя, ученого И.В. фон Гёте, а также немецких романтиков. Их мысли и слова заполняли жизненное

пространство Германии, усиливали и обогащали прусское чиновничество, помогая рисовать идеальный образ германского будущего [10, с. 64].

Без доли преувеличения можно сказать, что атмосфера реформ — это атмосфера шиллеровских «Разбойников», сражающихся за справедливость против предательства, за любовь против ненависти, за общность и единение против корысти и зависти. Эмоциональное восприятие окружающей действительности было в те годы свойственно не только поэтам. Справедливо констатировать, что наука в Германии оказалась больше, чем наука, но руководство к действию.

Создание свободного торгового пространства преследовало цель наполнить разоренный войной бюджет. Важную роль в его появлении сыграли идеи экономиста Фридриха Листа, получившего не только германскую, но и зарубежную известность. Его можно отнести к виднейшим идеологам Германского таможенного союза [14, с. 30–50]. Австрийский канцлер Меттерних называл Листа «завзятым немецким смутьяном»⁶. На своей родине в Вюртемберге он развил бурную преобразовательную деятельность, которая вызвала недовольство правительства. Листа изгнали из парламента и даже заключили под стражу. В изгнании, в Соединенных Штатах, он добился крупного коммерческого успеха. Но экономический кризис 1837 г. закрыл путь для Листа-предпринимателя.

Но и в Германии деятельность ученого отличалась удивительной многогранностью. Как научный просветитель и проектант постройки железных дорог он умело отстаивал интересы Германии в международной торговле. В 1834 г. при активном участии Листа была решена одна из его наиболее важных практических задач — создан Германский таможенный союз, позволивший организовать общий рынок промышленных товаров и оградить его от экспансии иностранной продукции. Кроме того, Лист разработал полномасштабный план — «Немецкую железнодорожную систему», которая охватывала бы все части Германии⁷.

Ф. Лист не дождал примерно 15 лет до начала реализации его пангерманских планов. Объединение Германии «железом и кровью» возглавила в 1860-е гг. не католическая Австрия, а протестантская Пруссия. В год смерти Листа объединителю Германии и будущему канцлеру Отто фон Бисмарку исполнился только 31 год. Эти два немца, Фридрих Лист и Отто Бисмарк, могли бы образовать дуэт, как Эрхард

⁶ Fabiunke Günter. Zur historischen Rolle des deutschen Nationalökonomen Friedrich List (1789–1846) Ein Beitrag zur Geschichte der politischen Ökonomie in Deutschland. Berlin: Verlag Die Wirtschaft, 1955. URL: https://openlibrary.org/works/OL4887981W/Zur_historischen_Rolle_des_deutschen_Nationalo%CC%88konomen_Friedrich_List_%281789-1846%29_Ein_Beitrag_zur_Ge (дата обращения: 26.02.2022).

⁷ Лютке Хайнц. Продуктивные силы как системообразующее понятие в учении Фридриха Листа // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. № 2. СПб., 2005. URL: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk206.html> (дата обращения: 26.02.2022).

и Аденауэр в ФРГ, но история не дала им этого шанса.

Союзный акт германских стран не предусматривал создания централизованного германского государства. В то же время выступление Пруссии с инициативой создания таможенного объединения вокруг Пруссии нельзя не рассматривать как первый шаг в данном направлении [15]. В литературе можно встретить мнение, что создание Таможенного союза явилось результатом договорных усилий многих германских государств, хотя заслуга Пруссии никем под сомнение не ставится [16]. Другими словами, это не только плод сознательной прусской стратегии, но сложный и противоречивый компромисс.

В 1818 г. Пруссия приняла таможенный закон, уничтоживший все таможенные границы в границах Прусского королевства. Закон открыл свободу передвижения между всеми его провинциями, установил покровительственный таможенный тариф для прусских товаров. В следующем году Пруссия предложила распространить действие закона на весь Германский союз. Но австрийское правительство увидело в этом предложении угрозу своим «суверенным правам». Тем не менее в период 1819–1830 гг. Пруссии удалось заключить ряд договоров с мелкими немецкими государствами, по которым внутренние торговые сношения между означенными странами и Пруссией были освобождены от всяких пошлин, а по договору с Гессен-Дармштадтом, сверх того, должно было произойти полное таможенное объединение [17].

В 1834 г. процесс формирования свободного торгового пространства в Пруссии и вокруг нее завершился подписанием Договора о германском таможенном союзе⁸. Этот объемный в 41 статью документ детально регулировал экономические отношения между Пруссией и германскими государствами, закрепив правила свободного передвижения товаров внутри Таможенного союза [18, с. 145–149]. Создание общего рынка решило для Пруссии многие фискальные задачи, сделало ее центром притяжения для немецких княжеств и свободных городов, подготовило почву для объединения.

Образование в программе реформаторов. Авторы реформ понимали, что для обновления государства и общества требуется произвести обновление самих людей и их образа мыслей. Правительственным куратором сферы образования был назначен юрист по образованию Вильгельм фон Гумбольдт. Его «нашел» и продвигал Штейн, считавший образование важнейшей предпосылкой для всех преобразований. Фокусом его устремления было формирование нового человека, который умел бы пользоваться свободой во благо государства⁹. Благо-

даря Штейну, Гумбольдт, считавший злом любое вмешательство государства в учебную политику, стал отцом государственной системы образования. Друг Шиллера и Гёте предпочитал существование ученого. Представляя Пруссию при Папском дворе в Риме, больше внимания уделял изучению античности вечного города. Но все же не смог проигнорировать захватившую его волну прусского патриотизма. «Мы и наши дети принадлежим стране, поэтому нельзя оставаться от этого в праздности», — писал он жене Каролине¹⁰. Королевская чета высказывала к нему свою благосклонность, предоставив в его распоряжение первоклассных сотрудников. «Новый гуманист» Гумбольдт видел в образовании «истинное предназначение человека», которое на протяжении всей жизни должно было содействовать полному раскрытию его сил. Идея образования была направлена на новое общество и против старого мира сословий и аристократии: не рождение, а талант и способности должны определять социальное положение человека. Для этого образование должно стать единственным показателем квалификации. Консультировал образовательные реформы крупный философ и теолог Ф. Шлейермахер.

Гумбольдт и его люди разработали гигантские преобразовательские планы за несколько месяцев в желании как можно скорее утвердить их. В соответствии с замыслами реформатора, государство должно было гарантировать качество народного образования. Учителя обязаны сдавать государственные экзамены, прежде чем быть допущенными в гимназии. Учебная программа была унифицирована и утверждалась по всей стране. Выпускники школ имели, по меньшей мере, теоретически, примерно одинаковый уровень знаний. В результате на исходе XIX столетия Пруссия заняла ведущее место по обучению грамоте, и это, безусловно, заслуга реформ.

Вершиной деятельности Гумбольдта стало основание Берлинского университета. 6 октября 1810 г. были зачислены первые шесть студентов: по одному на медицину, теологию, фармакологию и три на юриспруденцию. Профессоров причисляли к титанам духа своего времени: И.Г. Фихте, выдающийся представитель немецкой классической философии, последователь Канта; Ф. Шлейермахер, теолог, философ, проповедник. В 1817 г. профессорский корпус пополнил философ Г.В.Ф. Гегель. К чудесам реформаторской эры можно отнести тот факт, что находившееся в «неустойчивом» состоянии прусское государство оплатило основание университета.

Карлсбадские «законы». Как правило, реформы и контрреформы идут рука в руку. Первые шаги на пути обновления прусского государства тотчас вызвали волну недовольства со стороны значительной части прусской аристократии, терявшей былые привилегии. Исторический опыт доказал, что обществу никогда не удавалось

⁸ Документы по истории объединения Германии. Договор о таможенном союзе 1833 г. URL: <https://sci.house/stran-evropyi-istoriya-scibook/germaniya-103796.html> (дата обращения: 26.02.2022).

⁹ Denkschrift Steins «Über die zweckmäßige Bildung der obersten und der Provinzial-, Finanz- und Polizeibehörden in der Preußischen Monarchie», Nassau, im Juni 1807. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/que/normal/que4655.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).

¹⁰ Прусские реформы 1807/14 гг. — революция сверху (продолжение). URL: <https://tortillala.livejournal.com/10943.html> (дата обращения: 26.02.2022).

реализовать публичный интерес в полной мере. По мнению В.М. Сырых, этому препятствует, среди прочих обстоятельств, отсутствие заинтересованности имущих классов, стоящих у руля государственной машины, в познании публичного интереса [12, с. 18].

Из освободительных походов возвратились в Германию молодые солдаты, добровольцы, окрыленные надеждой на создание единого национального государства. Но дома их ожидало разочарование. Сторонники реформ постепенно отодвигались на обочину политики. Под влиянием руководства Германским союзом (канцлера Австрии Меттерниха) основной целью политики стала стабилизация положения на фоне ослабления динамики реформ.

Политическое недовольство молодежи нашло выражение в создании физкультурного (гимнастического) движения и буржуазных студенческих братств (корпораций). Студенческие корпорации имели те же, что и физкультурное движение, корни. На первых порах студенческие общества не ставили перед собой политических задач, но быстро охватили германские университеты. Правда, в самые лучшие времена корпорации не смогли аккумулировать духовные и физические ресурсы большинства студентов. Ориентируясь на лозунги поэта Э.М. Арндта, бурши признавали только одну родину, Германию. Главный лозунг их объединений — честь, свободы, отчизна! В годовщину 300-летия Реформации корпорация студентов Йены с разрешения властей призвала единомышленников на праздник в город Вартбург. Великое событие вызвало всеобщее воодушевление и «радостное чувство благодарной гордости». Собравшиеся 500 человек по призыву несколько радикальных студентов решили устроить аутодафе. Сожгли десятки книг, включая кодекс Наполеона и «Реставрацию» консервативного философа К.Л. Галлера. В заключение бросили в костер символ не-свободы — военную амуницию улана.

События октября 1817 г. обеспокоили короля Пруссии, хотя «огненный суд» не стоил приданной ему трагической окраски. Созванная в 1818 г. конференция руководителей европейских держав указала на «демагогические происки», исходящие из университетов. Как будто 40 тысяч мятежников были готовы организовать национально-демократическую революцию с целью объединения Германии [19, с. 725–727]. 23 марта 1819 г. Карл Занд, один из студенческого братства, убил писателя Августа фон Коцебу как «предателя немецкой молодежи, осквернителя немецкой истории, российского шпиона в германском отечестве». Коцебу воспринимался студентами как символическая фигура реакции и подавления. Этот террористический акт послужил триггером к жестким Карлсбадским постановлениям.

Руководство Германского союза выступило с пакетом законов, которые, по образцу английских, можно назвать «законами о затыкании рта». Между тем исходившая от молодежи опасность была далеко не очевидной, а сама революционная партия в Германии с 1815 по 1830 гг. состояла только из теоретиков, ее сторонники

рекрутировались в университетах. Обращают на себя внимание два обстоятельства, толкнувшие правящие круги Германского союза на принятие этих законов: желание обуздать мятежное студенчество и их преподавателей, поскольку кучка «одичавших профессоров и развращенных студентов опозорила классический бург настоящим вандализмом демагогической нетерпимости». И, вторых, сломать динамику наиболее опасных для консервативных сил преобразований Штейна и Гарденберга. Поэтому прусской власти, при полном понимании необходимости обновить государство, надлежало пройти между Сциллой — желанием германских князей отстоять свой суверенитет и Харибдой — требованием либеральной буржуазии и молодежи национального государства.

Четыре упомянутых закона создали возможность для вмешательства федеральных органов в суверенитет отдельных государств для подавления оппозиции. Они же придали Германскому союзу пока слабо выраженные характеристики федерального образования. Ирония судьбы: конституционные компоненты национального государства, разрабатываемые либералами, были использованы для их собственного преследования.

Первый закон (из четырех статей) назывался «Временным союзным постановлением о мерах по установлению надзора за университетами» (от 20 сентября 1819 г.)¹¹. Им определялась должность уполномоченного, призванного следить за строгим соблюдением законов и духом преподавания «без непосредственного вмешательства в научный и учебный процесс. Ему вменялось предлагать исцеляющие наставления обучающейся молодежи, воспитывая нравственность, уважение к порядку и собственному поведению». В целом «Университетский закон» создавал основу для увольнения ненадежных профессоров и критически настроенных студентов. Участникам «экстремистских» корпораций запрещалось занимать публичные должности.

Второй закон, устанавливающий временные постановления в отношении свободы прессы («Союзный закон о прессе»), включал уже 10 параграфов, что говорило об особом внимании к этой стороне вопроса. Примечателен параграф 4, который определял, что если в печатной продукции конкретного германского государства обнаруживается оскорбление достоинства власти конкретного государства, то это затрагивает безопасность других государств и Союза в целом. Рассчитанный на пять лет, закон в 1824 г. был продлен на неопределенное время.

Третий законодательный акт («Союзный закон о расследовании центральным органом революционной деятельности, признаки которой обнаруживаются в различных государствах Союза») наиболее ярко продемонстрировал попытку центральной власти ограничить суверенитет германских правителей даже в сфере криминальной политики. В соответствии со статьей 3, Союзное собрание большинством голосов определяло семь членов Союза, которые

¹¹ URL: <http://www.documentarchiv.de/> (дата обращения: 26.02.2022).

получили название Центрального комиссариата по расследованиям. В него вошли Австрия, Пруссия, Бавария, Гессен-Дармштадт и Нассау. Комиссариат проработал девять лет, выступая охранителем конституции Германского союза (которой фактически не существовало). Правительства Союза обязывались немедленно сообщать в данный орган обо всех «происках демагогов», замеченных в том или ином государстве, для принятия решительных мер против оппозиции¹². За публикацией законов последовали собственно прусские распоряжения о введении цензуры и об усилении надзора за университетами [20, с. 188].

Четвертый акт («Порядок исполнения (законов) в Германском союзе»), также имевший временный характер, появился через год — принят 3 августа 1820 г. С его помощью Федерация получила возможность прямого вмешательства в дела строптивых государств-членов Союза, а также непосредственного противодействия в отдельных государствах движениям, ставящим целью свержение государственного строя.

Вместо заключения. Как известно, Бисмарку предъявляют претензии, что он, создав вторую империю, вымостил дорогу к власти Гитлеру. Насколько обоснованы эти обвинения? Данный вопрос поставил перед нами задачу исследовать добисмарковский период германской истории. Но, разумеется, в не полном объеме, а обозначив, на наш взгляд, основные опорные конструкции государственного строения. Таковыми выступили административные реформы Штейна и Гарденберга, Германский таможенный союз, образовательный проект В. Гумбольдта, Карлсбадские решения. Нам предстояло оценить прусскую «модернизацию» и ее успехи. Но прежде всего, самих реформаторов как субъектов публичного права. Любой серьезный исследователь не выдумывает, не исходит просто из себя, из своей чистой субъективности, из своего чистого «Я», а находится внутри чего-то большего [21, с. 12]. Реформаторы перестраивали административную систему, следуя объективным запросам времени. После чего «передали» перестроенную (но недостроенную по их чертежам) Пруссию в управление Бисмарку. Другими словами, Бисмарк получил в руки готовый продукт. Как Штейн и Гарденберг сделали все возможное из того,

что им позволила правящая элита, так и Бисмарк был ограничен в своих возможностях: перестраивать готовое здание государства — почти невозможная задача.

Все реформаторы происходили из аристократических семей. Но их всех объединила Французская буржуазная революция. Это объясняет, почему схему административного обновления Пруссии они позаимствовали во Франции: собственные предпосылки буржуазного обновления еще не проявились. Тем не менее предпринятые ими меры, так или иначе, приближали Германию к созданию национального государства, даже если германские князья открыто такой задачи не ставили. Целью прусских реформаторов стало создание нового образцового государства, но не посредством революции как таковой, а за счет комплекса правовых действий. Речь шла только о так называемой гражданской свободе. Она не предоставляла человеку права на участие в жизни государства, но, скорее, предоставляла ему возможность быть относительно независимым от этого самого государства, даже находясь внутри него.

Прусская бюрократия рассматривалась, в частности Гарденбергом, как создатель «орудия, предназначенного для формирования мирового правительства с целью обучения человеческой расы»¹³. Можно быть уверенным в том, что идеология буржуазного государства, основанного на соответствующей правовой базе, сначала слабо выраженная, а затем все более заявлявшая о себе, стала центральной линией реформаторского этапа германской истории. Данное направление, утвержденное объективным ходом событий, Бисмарк воспринял и продолжил. Это можно считать частью политического наследия, доставшегося Бисмарку. Все эти факторы — армия, выпестованная Фридрихом Великим, срастание юнкерства с армией и государственной бюрократией, идея служения отечеству, жесткое разделение между дворянством и буржуазией, обостренное воинское чувство чести, ненавистное отношение к евреям — оказали влияние на формирование взглядов, ценностей и стиля поведения Отто фон Бисмарка. Он, конечно же, критически воспринимал это наследие, но вынужден был нести его на себе, когда управлял государством и мобилизовывал корону и дворянство на войны¹⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. Berlin, 1923–1933. 637 S.
2. Баев В.Г., Мещерякова С.В. Процесс становления политической личности: опыт германского канцлера Отто фон Бисмарка // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 166–177.
3. Pflanze Otto. Bismarck. Der Reichsgründer. Band 1. München, 1997. 906 S.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т. 21. М.: Политиздат; 1961. С. 1–51.

¹³ Травин Дмитрий, Маргания Отар. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. СПб.: Норма, 2016. URL: <https://www.rulit.me/books/modernizaciya-ot-elizavety-tyudor-do-egora-gajdara-read-338809-27.html> (дата обращения: 26.02.2022).

¹⁴ Стейнбек Дж. Бисмарк. Биография. Филадельфия, 2010. С. 20. URL: <file:///C:/Users/User/Documents/%D0%91%D0%B8%D1%81%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA/%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%91%D0%B8%D1%81%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BA.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).

¹² Ibid.

5. Энгельс. Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т. 20. М.: Политиздат; 1961. С. 1–480.
6. Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху, 21 [-22] сентября 1890 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Политиздат; 1965. С. 396–397.
7. Schubert Werner. Französisches Recht in Deutschland zu Beginn des 19. Jahrhunderts. Zivilrecht, Gerichtsverfassungsrecht und Zivilprozeßrecht. Köln – Wien, 1977. 642 S.
8. Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten (1815). Eine Ausführungsinstruktion vom 3. VII. 1815. 1032 S.
9. Stein Karl (Freiherr vom und zum). Hrsg. v. Kurt von Raumer. Aschendorff, 1955. 53 S.
10. Meinecke Friedrich. Von Stein zu Bismarck. Historische Aufsätze. Berlin: Verlag der deutschen Bucherei, 1956. 104 S.
11. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1907. 354 с.
12. Сырых В.М. Материалистическая философия публичного права. М.: Юрлитинформ, 2016. 571 с.
13. Фролов А.С. Таможенный союз. 1818–1848 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008. 21 с.
14. Попов Г.Г. Фридрих Лист и национальная экономическая безопасность: история и современность // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 30–50.
15. Treitschke H.v. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. 5 B-de. Leipzig, 1918–1920. 790 S.
16. Weber W. Der Deutsche Zollverein. Geschichte seiner Entstehung und Entwicklung. Leipzig, 1871 (ND: Glashutten, 1972). 503 S.
17. Vorgeschichte und Begründung des Deutschen Zollvereins 1815–1834. Akten der Staaten des Deutschen Bundes und der europäischen Mächte. Bd. 1–3. Berlin, 1934.
18. Gesetz-Sammlung der königlichen preussischen Staaten. 1833. Berlin: zu haben im vereinigten Gesetz-Sammlungs-Debits-und Zeitungs-Komtoir, 1833. 679 S.
19. Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789 / Bände 1–7. Bd. 1. Stuttgart, 1957–1960. 737 S.
20. Handbuch der preussischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und grosse Themen der preussischen Geschichte. Hrsg. O. Büsch. Berlin: Walter de Gruyter, 1992. 428 S.
21. Макарьев И.В. Вильгельм Гумбольдт об истории и историческом мышлении // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 9–19.

REFERENCES

1. Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. Berlin, 1923–1933. 637 S.
2. Baev VG, Meshcheryakova SV. Process stanovleniya politicheskoy lichnosti: opyt germanskogo kanclera Otto fon Bismarka. *Voprosy istorii*. 2021;(11):166–177. (In Russ.).
3. Pflanze Otto. Bismarck. Der Reichsgründer. Band 1. München, 1997. 906 S.
4. Engel's F. Lyudvig Fejrbah i konec klassicheskoy nemeckoj filosofii / K. Marks, F. Engel's. Poln. sobr. soch. T. 21. Moscow: Politizdat; 1961. P. 1–51. (In Russ.).
5. Engel's F. Anti-Dyuring / K. Marks, F. Engel's. Poln. sobr. soch. T. 20. Moscow: Politizdat; 1961. P. 1–480. (In Russ.).
6. Engel's F. Pis'mo Jozefu Blohu, 21 [-22] sentyabrya 1890 / K. Marks, F. Engel's. Poln. sobr. soch. T. 37. Moscow: Politizdat; 1965. P. 396–397. (In Russ.).
7. Schubert Werner. Französisches Recht in Deutschland zu Beginn des 19. Jahrhunderts. Zivilrecht, Gerichtsverfassungsrecht und Zivilprozeßrecht. Köln – Wien, 1977. 642 S.
8. Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten (1815). Eine Ausführungsinstruktion vom 3. VII. 1815. 1032 S.
9. Stein Karl (Freiherr vom und zum). Hrsg. v. Kurt von Raumer. Aschendorff, 1955. 53 S.
10. Meinecke Friedrich. Von Stein zu Bismarck. Historische Aufsätze. Berlin: Verlag der deutschen Bucherei, 1956. 104 S.
11. Korkunov NM. Lekcii po obshchej teorii prava. Saint-Petersburg, 1907. 354 p. (In Russ.).
12. Syryh VM. Materialisticheskaya filosofiya publicnogo prava. Moscow: YurLitinform, 2016. 571 p. (In Russ.).
13. Frolov AS. Tamozhennyj soyuz. 1818–1848 gg. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saint-Petersburg, 2008. 21 p. (In Russ.).
14. Popov GG. Fridrih List i nacional'naya ekonomicheskaya bezopasnost': istoriya i sovremennost'. *Istoriko-ekonomicheskije issledovaniya*. 2007;8(1):30–50. (In Russ.).
15. Treitschke H.v. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. 5 B-de. Leipzig, 1918–1920. 790 S.
16. Weber W. Der Deutsche Zollverein. Geschichte seiner Entstehung und Entwicklung. Leipzig, 1871 (ND: Glashutten, 1972). 503 S.
17. Vorgeschichte und Begründung des Deutschen Zollvereins 1815–1834. Akten der Staaten des Deutschen Bundes und der europäischen Mächte. Bd. 1–3. Berlin, 1934.
18. Gesetz-Sammlung der königlichen preussischen Staaten. 1833. Berlin: zu haben im vereinigten Gesetz-Sammlungs-Debits-und Zeitungs-Komtoir, 1833. 679 S.
19. Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789 / Bände 1–7. Bd. 1. Stuttgart, 1957–1960. 737 S.
20. Handbuch der preussischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und grosse Themen der preussischen Geschichte. Hrsg. O. Büsch. Berlin: Walter de Gruyter, 1992. 428 S.
21. Makar'ev IV. Vil'gel'm Gumbol'dt ob istorii i istoricheskom myshlenii. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2020;(4):9–19. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Валерий Григорьевич Баев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор;
e-mail: vgbaev@gmail.com

AUTHOR INFORMATION

Valery G. Baev, doctor of law, candidate of historical sciences, professor; e-mail: vgbaev@gmail.com